

ПУШКИНЪ И СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ КРИТИКА.

(По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины поэта).

Если справедливо положеніе, что литература есть зеркало жизни, то не менѣе, справедливо и другое положеніе, что критика, какъ высшій отдѣлъ литературы, есть наилучшій показатель умственнаго развитія общества, его умственнаго направленія и степени саморазвитія и самосознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, критика, какъ указатель умственнаго развитія общества, какъ выраженіе прогресса живого организма, сама въ высшей степени подвижна и жива. Каждое измѣненіе въ организмѣ, измѣняетъ и его показатель; а, принявъ во вниманіе французское изреченіе „la critique est aisée, l'art est difficile“, не трудно сообразить, что выдающееся общественное и литературное явленіе вызываетъ массу критическихъ работниковъ, cadaго на свой образецъ, но cadaго съ непремѣннымъ желаніемъ истолковать явленіе и его смыслъ въ точности, разъ навсегда, „на вѣки нерушимо“. Эта критическая работа выдающихся умовъ, приложенная къ величайшимъ литературнымъ произведеніямъ, въ высшей степени поучительна и характерна. Свидѣтельствуя съ одной стороны о степени интенсивности критической мысли, ея требованіяхъ и направленіи въ данную минуту, она указываетъ, съ другой стороны, какъ мало солидарности замѣчается въ критикѣ даже несомнѣнно великихъ произведеній, и какія великія муки приходилось переживать создателямъ національной литературы, прежде чѣмъ они были общепризнаны и, такъ сказать, опатентованы критиками всевозможныхъ лагерей, партій и отгѣнковъ. Изучая критическую работу надъ великими писателями, единственнымъ эпиграфомъ къ ней рѣшаемся взять извѣстное двустипіе:

И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ...

Таковы въ большинствѣ критическіе приемы, такова ихъ послѣдовательная судьба, и то, что одними критиками съ чрезвычайными усиліями втаскивается на пьедесталъ, то другими, чрезъ нѣсколько времени, съ таковыми же усиліями, со скрежетомъ зубовымъ, низвергается во прахъ, оплевывается, предается проклятію и поруганію.

Такова роль критики и относительно величайшаго изъ нашихъ поэтовъ, создателя русскаго языка и современнаго литературнаго

слога,—Пушкина, только въ 1880 году получившаго литературное право гражданства и признаннаго людьми всѣхъ взглядовъ за лучшаго представителя русской литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ за поэта, такъ сказать, европейскаго.

Нелишнимъ, и даже весьма поучительнымъ будетъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ по кончинѣ поэта, когда страсти улеглись, взгляды отрезвились, поэзія Пушкина „въ прекрасномъ далекѣ“, указать на критическія работы надъ его произведеніями и на пятидесятилѣтней тризнѣ „невольника чести“ честно подвести итогъ если не всему, то большей части сказаннаго о немъ двадцатью современниками его дѣятельности, среди которыхъ выдаются Полевой, Булгаринъ и Шевыревъ. Такова цѣль настоящей моей работы.

1820 годъ текущаго столѣтія былъ рѣшительнымъ моментомъ въ развитіи поэтическаго таланта Пушкина. Къ этому времени сформировывается его поэтическій кругозоръ, опредѣляется съ достаточной ясностью направление его поэзіи. Этотъ годъ можно считать эпохой появленія настоящей пушкинской поэзіи, проблески которой приходится собирать по частямъ до этого времени. Въ этотъ замѣчательный годъ обнаруживается впервые манера поэта, и эта манера, будучи въ общихъ чертахъ закончена, выводится на судъ общества, публики.

Въ этомъ 1820 году появляется поэма „Русланъ и Людмила“, ставшая яблокомъ раздора между толпой приверженцевъ лжеклассической рутины и небольшой горсточкой лицъ, опередившихъ свой вѣкъ и современные тогдашніе взгляды на поэзію.

„Появленіе „Руслана и Людмилы“,—говоритъ біографъ поэта,—„встрѣчено было съ восторгомъ публикой и съ недоумѣніемъ тѣми людьми, которые видѣли въ ней униженіе поэзіи и, вообще, достоинства литературы. Къ числу недовольныхъ принадлежалъ и Дмитріевъ, питавшій, впрочемъ, несомнѣнное уваженіе къ таланту Пушкина *). Спорный вопросъ состоялъ въ томъ, можетъ ли народная сказка быть предметомъ поэмы“... Когда въ №№ 15 и 16 *Сына Отечества* появился отрывокъ изъ „Руслана и Людмилы“, *Вѣстникъ Европы* сдѣлался, такъ сказать, складочнымъ мѣстомъ всѣхъ ужасовъ, которые охватили приверженцевъ стараго порядка, боготворившихъ лже-классицизмъ и считавшихъ всякое новшество за ересь. „Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ,—говорилось въ журналѣ,—возникающій посреди океана россійской словесности. Наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова; просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу. Нужно посовѣтовать публикѣ, чтобы она жмурила глаза, при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины появлялись между нами. Грубая, неодобряемая *просвѣщеннымъ* вкусомъ (!) шутка—отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна“. Критикъ, дѣлая уступку времени, допускаетъ собраніе русскихъ сказокъ, какъ собираютъ *безобразныя* монеты, но уваженія къ нимъ не допускаетъ. Выписавъ сцену Руслана съ головой, критикъ восклицаетъ: „Но

*) *Анненковъ*. Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 57.

увольте меня отъ подобнаго описанія и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородой, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: „здорово ребята!“ неужели стали бы такимъ проказникомъ любоваться? Зачѣмъ допускать, чтобъ плоскія шутки старины снова появлялись между нами“ *).

Вопросъ поставленъ здѣсь, какъ видимъ, очень круто. Критикъ отрицалъ всецѣло обширный фантастическій міръ русскихъ народныхъ преданій, разъ онъ явился предметомъ литературнаго произведенія. Въ силу подобной же узкости и односторонности взгляда возсталъ на Пушкина и его поэму другой журналъ, — „Невскій Зритель“. Признавая легкость и плавность стиха, „отмѣнную версификацію“, онъ ставитъ въ упрекъ поэту то, что „литическія красоты перемѣшаны съ низкими сравненіями, безобразнымъ волшебствомъ, сладострастными картинами и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошій вкусъ“. „Языкъ боговъ, — говоритъ критикъ, — долженъ возвѣщать намъ о подвигахъ добродѣтели, возбуждать любовь къ отечеству, геройство въ несчастіяхъ, плѣнить описаніемъ невинныхъ забавъ“ **). Въ поэмѣ Пушкина рисуются такія картины, которыя могутъ нравиться только грубому, необразованному народу. Таковы Черноморь и „всѣ его братья и сестры свиты Вельзевула“. Похваливъ, однако, нѣкоторыя картины поэмы, критикъ продолжаетъ: „Кто бы подумалъ до появленія сего произведенія, что, при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія, старинная сказка „Ерусланъ Лазаревичъ“ найдетъ себѣ подражателей? Теперь можно надѣяться, что у насъ расплодятся и „Бовы Королевича“ и „Ильи Муромцы“. Не спорю, что такого рода повѣсти въ стихахъ могутъ нравиться — какъ и опера „Русалка“. Прекрасная музыка; прекрасная декорація!“ Далѣе, обнаруживая причину своего недовольства, критикъ отказывается признать „Руслана“ поэмой, такъ какъ, — говоритъ онъ, — „поэмой называется произведеніе, въ которомъ описываются геройскіе подвиги относительно религіи, нравственности или такихъ происшествій, которыми рѣшилась судьба царствъ“. Будучи воспитанъ въ строгихъ правилахъ традиціонныхъ реторикъ лже-класицизма, критикъ въ простотѣ сердечной налагаетъ руку на волшебство, которое не знало предѣловъ у псевдо-классиковъ. „Сверхъестественныя силы, — говоритъ онъ, — надобно приводить въ движеніе только тогда, когда дѣйствіе не можетъ совершаться обыкновенными. Фантазія, вышедшая изъ границъ, творитъ чудовищъ“. Не понимая художественнаго реализма и, вѣроятно, не допуская его въ искусствѣ, критикъ говоритъ: „Не одни поэты подвергаются укоризнѣ за упущеніе здраваго смысла и правдоподобія, тоже и живописцы. Хорошо ли сдѣлалъ Рафаэль, который одѣлъ Св. Дѣву въ платье итальянскихъ крестьянокъ? Не должно ли вооружаться правилами самаго искусства, утвержденно образованнымъ вкусомъ въковъ, противъ всѣхъ уродли-

*) Вѣстн. Евр. 1820 года, № 11.

***) Невск. Зритель, 1820 г. Іюль.

„Ѣло“, № 1. Январь, 1867 г.

востей, помѣщенныхъ въ „Русланъ“ *)? Указавъ затѣмъ на массу картинъ въ поэмѣ, заставляющихъ краснѣть и стыдливо потуплять глаза, критикъ, какъ истый послѣдователь Мармонтелева *Essai sur le gout*, приводитъ въ образецъ неприличія, слѣдующія строки:

Вы знаете, что наша дѣва
 Была одѣта въ эту ночь
 По обстоятельствамъ точь въ точь
 Какъ наша прабабушка Ева.
 Нарядъ невинный и простой,
 Нарядъ Амура и Природы.

Взявъ исходной точкой теорію лже-классиковъ, критикъ „Невскаго Зрителя“ кончаетъ свой разборъ замѣчаніемъ, что когда во Франціи, въ концѣ минувшаго столѣтія, стали въ великомъ множествѣ появляться подобныя „Руслану“ произведенія, произошелъ не только упадокъ словесности, но и самой нравственности. Поэтому критикъ искренно желаетъ, чтобы писатели и поэты выбирали предметы, достойные своихъ дарованій **). Щепетильныхъ приверженцевъ устарѣлой теоріи до глубины души возмущали чисто-русскія, народныя выраженія новой поэмы и они для вразумленія публики отмѣчали ихъ курсивомъ. Напримѣръ:

.....Шутите вы со мною,
 Всѣхъ *удавлю* васъ бороною!..

 Объяхалъ голову кругомъ
 И сталъ *предъ носомъ* молчаливо.
Щекотить ноздри копіемъ...

 Я ѣду, ѣду не свищу,
 А какъ наѣду не спущу... ***) и т. д.

Иначе взглянула на „Руслана и Людмилу“ критика другого лагеря. Здѣсь увлеченіямъ и восторгу не было предѣловъ. Самъ Пушкинъ позднѣе замѣтилъ, что поэма „Русланъ и Людмила“ была принята, кромѣ „Вѣстника Европы“ и „Сына Отечества“, довольно благосклонно.

Укажемъ пока на одну изъ благопріятныхъ для пушкинской поэмы рецензій, хотя и она заключаетъ преимущественно такъ называемыя „общія мѣста“. „Поэма Пушкина“, говоритъ критикъ есть самое совершенное изъ всѣхъ произведеній поэта по соразмѣрности частей, по гармоніи и полнотѣ изобрѣтенія, по богатству содержанія, по стройности переходовъ, по непрерывности господствующаго тона и, наконецъ, по вѣрности и разнообразію характеровъ. Критика при всемъ желаніи не найдетъ здѣсь ничего лишняго, неумѣстнаго. Рыцарство, любовь, чародѣйство, ширшества, русалки, чудеса сказочнаго міра—соединились въ одно стройное созданіе, въ которомъ, несмотря на кажущуюся пестроту, все чудесно, стройно, согласно, цѣлостно. „Здѣсь Пушкинъ является чисто *творцомъ-поэтомъ* (!) Онъ не-

*) *Невск. Зритель* 1820, ч. III, стр. 69.

***) *Невск. Зритель*, *ibidem*.

***) *Вѣстн. Евр.* 1820, т. СХІ, стр. 216.

ищетъ передать намъ свое особенное воззрѣніе на міръ, судьбу, жизнь и человѣка, но просто созидаетъ намъ новую судьбу, новую жизнь, свой новый міръ, населяя его существами новыми, принадлежащими исключительно его творческому воображенію. Отъ того ни одна изъ его поэмъ не имѣетъ той полноты и оконченности, которую замѣчаемъ въ „Русланъ“. Отъ того каждая пѣснь, каждая сцена, каждое отступленіе живетъ самобытно и полно. Отъ того Черноморъ, Наина, Голова, Финнъ, Рогдай, Фарлафъ, Ратмиръ, Людмила, словомъ каждое изъ лицъ дѣйствующихъ въ поэмѣ (выключая, можетъ быть, одного: самого героя поэмы) получило характеръ особенный, рѣзко образованный и вмѣстѣ глубокий.“ *)

Впослѣдствіи объ этомъ періодѣ журнальной полемики относительно поэмы Пушкина, Бѣлинскій писалъ слѣдующее: „Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первою поэмою „Русланъ и Людмила“. Слишкомъ немногимъ гениальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шума, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не гениальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ тигуломъ „пѣвца Руслана и Людмилы“. Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, почтенные колпаки (sic), были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ „Руслана и Людмилы“. Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ—чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней, то есть хорошихъ звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи“ **).

Въ самомъ дѣлѣ всѣ, даже наиболѣе благопріятные для поэта и трезвѣйшіе по направленію отзывы ограничивались довольно тяжелымъ пересказомъ содержанія произведенія и кой-какими довольно неудачными характеристиками дѣйствующихъ лицъ. Рецензентъ „Сына Отечества“ рассказываетъ содержаніе поэмы и такими чертами характеризуетъ дѣйствующихъ лицъ. „Русланъ великодушень, храбръ, чувствителень, ретивъ, но и вспылчивъ и нетерпѣливъ: онъ напоминаетъ Ахиллеса. Людмила веселоправна, рѣзва, вѣрна любви своей, нѣжна и сильна душа ея, непорочно сердце“ и т. д., пересчитываетъ описательныя мѣста и шуточные стихи, прибавляя: *нынѣ сей родъ поэзіи называется романтическимъ*. Находя непонятными выраженія: *могильный голосъ* („не голосъ ли это какого-нибудь неизвѣстнаго намъ музыкальнаго орудія?“), *нѣмой мракъ*, критикъ съ претензіей на остроуміе замѣчаетъ: „смѣло до непонятности, и если допустить сіе выраженіе, то можно будетъ напечатать: говорящій мракъ, болтающій мракъ, болтунъ мракъ...“ ***).

Не даромъ Крыловъ, часто умалчивавшій о людскихъ странностяхъ, не утерпѣлъ и написалъ извѣстную эпиграмму:

Напрасно говорятъ, что критика легка—
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:

*) Моск. Вѣстн. 1828 г. ч. 8, стр. 175—178.

**) Сочин. т. VIII, стр. 415.

***) Сынъ Отечества, 1820 г., LXIV.

Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка!

Подъ эту эпиграмму безъ всякаго труда подходитъ почти все, напечатанное о „Кавказскомъ плѣнникѣ“, „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, „Евгеніи Онѣгинѣ“ въ тогдашнихъ журналахъ: *Сынъ Отечества*, *Дамскомъ Журналѣ*, *Вѣстникъ Европы*, *Московскомъ Телеграфѣ*. Въ хвалившихъ Пушкина журналахъ слышались ничѣмъ не мотивированныя восклицанія: Пушкинъ—поэтъ! Пушкинъ—истинный поэтъ! „Онѣгинъ“—поэма (!) превосходная! и т. д., все въ этомъ родѣ. Серьезный и болѣе или менѣе обоснованный разборъ произведеній Пушкина начинается лишь съ 1828 года, когда въ роли критика выступаетъ во всеоружіи учености Шевыревъ. Прелюдію къ этому разбору мы находимъ въ статьѣ: „Обозрѣніе русской словестности за 1827 годъ“, помѣщенной въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 г. По замѣчанію автора, въ „Братяхъ разбойникахъ“ и „Цыганахъ“ замѣтны слѣды глубокихъ впечатлѣній Байрона, замѣтенъ отпечатокъ меланхоліи британскаго поэта. Во второй поэмѣ замѣтна какая-то борьба между идеальностью Байрона и живописной народностью русскаго поэта: черты лицъ также набросаны темно, но окружающіе предметы блещутъ яркостью разнообразныхъ красокъ. Эта борьба производитъ неполноту, неудовлетворенность произведеніемъ. „Въ сей борьбѣ видишь, какъ поэтъ хочетъ изгладить въ душѣ впечатлѣнія чуждыя и бросается неволью изъ своего прежняго міра призраковъ въ новую атмосферу существъ, дышущихъ жизнью! Въ этомъ разборѣ *implicite* какъ бы признается жизненность типовъ Пушкина и ихъ строго русская, оригинально-самобытная, національная физиономія. Въ 3-й пѣснѣ „Онѣгина“ Пушкинъ,—по словамъ критика,—совершенно снимаетъ съ себя упрекъ въ иноземномъ вліяніи. Татьяна—вполнѣ оригинальный, чисто русскій характеръ. Критикъ выражаетъ даже удивленіе, почему русскія дамы, прочитавъ письмо Татьяны и 3-ю пѣснь „Онѣгина“, не отказываются въ обществѣ отъ французскаго языка.

Та же книжка журнала приводитъ разнообразныя отзывы публики по поводу „Евгенія Онѣгина“. Въ обществѣ постоянно слышался вопросъ: читали вы „Онѣгина“? Какова Таня? Какова Ольга? Каковъ Ленскій? Одинъ молодой человекъ—читаемъ въ журналѣ—такъ живо представилъ себѣ Татьяну, эту цѣльную натуру, развившуюся внѣ культурныхъ воздѣйствій, что на вопросъ пріятеля на балѣ, какъ ему нравится одна дѣвушка, отвѣчалъ: она похожа на Таню. Общество негодовало на нѣскольکو блѣдный абрисъ Онѣгина. Вызовъ Ленскаго называли несообразностью: „il n'est pas du tout motivé“; находили несомвѣстнымъ съ идеальностью Ленскаго такую оцѣнку имъ Ольги:

Ахъ милый! какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!

Многіе восхищались приемами и почти всѣ сномъ Татьяны. Наконецъ въ томъ же журналѣ мы находимъ серьезную статью по поводу Пушкинскихъ произведеній вообще.

Прежде всего критикъ указываетъ на разнообразіе темъ Пушкинскіихъ поэзіи и ео *ipso* образовъ и характеровъ. „Выключая

красоту и оригинальность стихотворнаго языка, говорить онъ—какіе слѣды общаго происхожденія находимъ мы въ „Русланъ и Людмилѣ“, въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“, въ „Онѣгинѣ“, въ „Цыганахъ“ и т. д.? Не только каждая изъ сихъ поэмъ отличается особенностью хода и образа изложенія, но еще нѣкоторыя изъ нихъ различествуютъ и самымъ характеромъ поэзіи, отражая различное возрѣніе поэта на вещи, такъ что въ переводѣ ихъ легко можно бы было почестъ произведеніями не одного, но многихъ авторовъ... Эта легкая шутка, которая въ „Русланѣ“ одѣваетъ всѣ предметы въ краски блестящія и свѣтлыя, уже не встрѣчается больше въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта. Изъ этого мы видимъ, что критикъ стоялъ на правильной дорогѣ и угадалъ, что Пушкинъ „Русланомъ и Людмилой“ закончилъ разъ навсегда свой поэтическій Sturm und Drang-Periode, чтобы къ нему не возвращаться болѣе, что съ этихъ поръ двадцатилѣтній поэтъ пойдетъ „дорогою свободной“, „усовершенствуя плоды любимыхъ думъ“. Мѣсто шутки продожаетъ критикъ—въ „Онѣгинѣ“ занимаетъ насмѣшка, отголосокъ сердечнаго скептицизма, и добродушная веселость смѣняется здѣсь мрачной холодностью (мы бы сказали разочарованіемъ), которая создается какъ бы для того, чтобы черезъ минуту насладиться разрушеніемъ создаемаго. Въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“ нѣтъ уже ни довѣрія къ судьбѣ, ни презрѣнія къ человѣчеству. Здѣсь видна душа, огорченная измѣнами и утратами, но еще не утратившая свѣжести прежнихъ чувствованій, душа, растерзанная муками судьбы, но еще не побѣжденная: исходъ борьбы зависитъ отъ будущаго. Въ поэмѣ „Цыганы“ характеръ поэзіи также совершенно особенный, отличный отъ другихъ поэмъ Пушкина. Въ художественной дѣятельности Пушкина критикъ нѣсколько преждевременно находилъ три періода. Первый періодъ, заключающій „Руслана и Людмилу“ и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній, онъ называетъ *періодомъ школы итальянско-французской*. Вліяніе Парни, въ чемъ признается самъ Пушкинъ, соединилось здѣсь, по словамъ критика—съ роскошью, изобиліемъ жизни и свободой Аріоста. Второй періодъ—это *отголосокъ лорда Байрона*. Въ этомъ періодѣ Пушкинъ сходится съ англійскимъ поэтомъ не только въ возрѣніи на жизнь и человѣка, но и въ способѣ изложенія, тонѣ и формѣ поэмъ. „Дѣйствующихъ лицъ послѣднихъ съ перваго взгляда можно почестъ за чужезмцевъ-эмигрантовъ, переселившихся изъ Байронова міра въ творенія Пушкина“. Третій періодъ можно назвать *періодомъ русско-пушкинской поэзіи*. Ко второму періоду можно отнести „Кавказскаго плѣнника“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Братьевъ-разбойниковъ“ и „Цыганъ“;—къ третьему „Бориса Годунова“ и *многоя мѣста (!)* „Евгенія Онѣгина“. *)

Изъ послѣднихъ словъ видна еще нѣкоторая неточность въ характеристикѣ поэтической дѣятельности поэта, но было бы хорошо, если бы это было послѣднее слово современной Пушкину критики; къ этимъ взглядамъ такъ близко примыкаютъ возрѣнія Вѣлинскаго, что нетрудно было бы объяснить послѣднія именно

*) Моск. Вѣстн. 1828 г. ч. 8, стр. 173—174.

вліяніямъ рациональной критики „Московского Вѣстника“. Читая только что приведенный отзывъ, можно подумать, что споры о личности и поэзіи Пушкина пришли къ концу, резюмэ было высказано,—и лучшему истолкователю лучшаго изъ поэтовъ оставалось лишь выяснитъ по мелочамъ, въ подробностяхъ, особенности Пушкинской поэзіи и ея освободительно-реформатское значеніе. Не такъ вышло на дѣлѣ.

Исконная борьба между отживавшимъ вѣкъ лже-классицизмомъ и нарождавшимся романтическимъ направлениемъ, обострившись въ ожесточенную борьбу о національномъ, самобытномъ, развитіи и западническихъ, нашла себѣ ярыхъ адептовъ въ тѣхъ представителяхъ печати, которые, мѣняя свои убѣжденія ежедневно, если не ежечасно, проповѣдывали принципы: „кто не за меня, тотъ противъ меня“ и распинали всѣхъ тѣхъ, кто подобно Пушкину не заискивалъ ихъ расположенія, не отвѣшивалъ низкаго поклона въ ихъ сторону, прежде чѣмъ появиться на литературной эстрадѣ. Я разумѣю Булгарина и К^о, являющихся яркими представителями литературныхъ дѣятелей извѣстнаго пошиба въ 20-хъ и 30-хъ годахъ текущаго столѣтія.

Не имѣя ни малѣйшаго понятія о литературныхъ приличіяхъ и задачахъ прессы, Булгаринъ всѣ свои симпатіи и антипатіи основывалъ на кумовствѣ и близкомъ пріятельствѣ. Но между тѣмъ Булгаринъ былъ до того видной спицей въ колесницѣ русской печати, что Бѣлинскій счелъ необходимымъ съ нимъ считаться, и указывалъ на его недобросовѣстность въ слѣдующихъ характеристическихъ выраженіяхъ. „По книжнымъ лавкамъ мы не ходимъ, ни въ будни, ни въ праздники, зная, что тамъ ничего не услышишь, кромѣ вздорныхъ сплетенъ, до которыхъ мы смертельные неохотники; такая неохота можетъ, конечно, показаться странной „Сѣверной Пчелѣ“, но что же дѣлать, когда это такъ“. Особенно рѣзко выдѣляются похвалы, которыя расточалъ самъ себѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“ Булгаринъ. Относительно его романа „Выжигинъ“ въ одномъ изъ номеровъ журнала говорилось слѣдующее: „Эти страницы напоминаютъ намъ „Ивана Выжигина“, который двинулъ *всю русскую литературу на поприще романовъ*. Враги Булгарина могутъ его осыпать всѣми возможными субъективными стрѣлами міровой своей критики, но заслугъ его никогда не отнимутъ, не помрачатъ. Полемика исчезнетъ, факты останутся. „Иванъ Выжигинъ“ былъ первый нашъ русскій романъ, и дай Богъ, чтобы послѣдователи Булгарина писали такіе же романы“. Что творилось въ фельетонахъ, трудно и вообразить даже въ наше, далеко не отличающееся литературной чистоплотностью и брезгливостью, время. Превознесши до небесъ блины екатерингофскаго вокзала и кафе ресторанъ Беранже, фельетонистъ тотчасъ переходитъ къ разбору какого-нибудь замѣчательнаго литературнаго произведенія. Нисколько не стѣснялся фельетонистъ-издатель сблизать себя съ различными великими людьми древняго и новаго міра. Онъ сравнивалъ себя съ Сократомъ, а Гречъ сравнивалъ себя съ Вальтеръ-Скоттомъ. За то человекъ, позволившій себѣ печатно сказать, что либо невыгодное для издателей „Пчелы“ или ея самой, не могъ ожидать никакого помилованія и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти втапывался четырьмя ногами

издателей въ самую глубокую грязь, причѣмъ „уважаемыя“ литераторы не стѣснялись касаться личной, интимной жизни автора. Само собой разумѣется, что Булгаринъ съ теченіемъ времени, вырабатывая себѣ все болѣшую и болѣшую опытность, къ 40-мъ годамъ сдѣлался еще ядовитѣе и нетерпимѣе къ чужимъ мнѣніямъ, но все сказанное о немъ выше имѣетъ обязательный смыслъ и для характеристики его дѣятельности предшествующей. Чтобы покончить съ характеристикой литературной критики 20-хъ годовъ вообще и съ Булгаринимъ въ частности, приведу безпристрастную оцѣнку „Сѣверной Пчелы“, сдѣланную критикомъ позднѣйшаго періода. „Одно только утѣшаетъ насъ вмѣстѣ съ благомыслящими ревнителями къ пользѣ наукъ и просвѣщенія отечественнаго: по вѣрнымъ признакамъ, сокровенныя правила литературной тактики уже понемногу начинаютъ обличаться, и можетъ быть скоро наступитъ то золотое время, когда водворится въ литературѣ русской духъ благородной терпимости, духъ *здравой, безпристрастной критики*, духъ миролюбивой истины, а пристрастная, заносчивая, посягающая на личность, празднословная тактика, употребляемая „Сѣверною Пчелою“ сдѣлается притчею во языцѣхъ!“ Пророчество сбылось: Булгаринъ ушелъ со сцены тѣмъ же, чѣмъ и вошелъ, внеся своими подвигами лишнюю печальную странцу въ исторію русской періодической печати *). Но о Булгаринѣ рѣчь впереди.

Журнальная полемика при появленіи первыхъ крупныхъ произведеній Пушкина была такъ горяча, чтобъ не сказать азартна, что самъ Пушкинъ невольно принялъ въ ней участіе по поводу изданной кн. Вяземскимъ его поэмы „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Эта полемика тѣмъ болѣе интересна, что здѣсь вопросъ шелъ не о достоинствахъ Пушкинскихъ произведеній, а лишь по поводу ихъ поднимался споръ о романтизмѣ и классицизмѣ. Таковъ споръ между „Вѣстникомъ Европы“ 1824 г. и „Московскимъ Телеграфомъ“ 1825 г.; причѣмъ первый опредѣлялъ сущность романтизма „смѣсю мрачности съ сладострастіемъ, быстрой разсказа съ неподвижностью дѣйствія, пылкости страстей съ холодностью характеровъ“ (**). Дальше этой бессмыслицы и подобнаго набора словъ идти было некуда.

Приблизительно такого же рода мы встрѣчаемъ статьи при появленіи въ 1825 году первой главы „Онѣгина“. Относя всю главу къ чистому подражанію, „Сынъ Отечества“ оговаривается и отмѣчаетъ громадную пропасть между оригиналомъ и подражателемъ. „Цѣль Байрона — замѣчается здѣсь съ ироніей — не *разсказъ*, характеръ его героевъ не связь описаній, онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить рядъ картинъ, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену“. Онѣгину критикъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ отказывалъ въ народности. „Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ, петербургскихъ улицъ и ресторацій (sic). И во Франціи, и въ Англіи пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театры и на балы“ (***)).

*) Подроб. *Пятковский*. Изъ исторіи нашего литер. и обществ. развитія т. II. Спб. 1876 г.

**) Вѣст. Евр. 1824 г. № 4. Сравн. Вѣст. Евр. 1823 г. № 1.

***) С. Отеч. 1825 г. ч. С.

Въ этой рецензiи, правда, довольно дикой, характерна одна черта, новал, какой еще мы не видали въ вышеприведенныхъ отзывахъ критики. Рецензентъ говоритъ о влiянiи на Пушкина Байрона, какъ о фактѣ совершившемся, въ которомъ не можетъ быть сомнѣнiя. Изъ этого мы можемъ сдѣлать одинъ печальный выводъ: критика, современная Пушкину, не была невѣжественной, напротивъ, въ журналахъ 30-хъ годовъ попадаются сплошь и рядомъ трактаты „о Байронѣ и о матерiяхъ важныхъ“, но эта критика, сознавая великую силу гениальной натуры Пушкина, не хотѣла именно поэтому признать его первокласснымъ художникомъ; отсюда страсть къ вышучиванью, къ глумленiю, достигающая своего апогея подъ перомъ все того же Булгарина. По поводу „Цыганъ“ было высказано печатно, однимъ изъ приверженцевъ новой уже школы, негодование, что Алеко водитъ медвѣдя, собираетъ деньги etc., и сожалѣнiе, что авторъ не сдѣлалъ изъ своего героя—хоть кузнеца. Эта черта весьма характеристична.

Когда въ 1829 году появилась „Полтава“, современные журналы, благодаря своей слѣпотѣ и нежеланiю вникнуть въ изящное, съ дѣтскими приѣмами выступили противъ поэта. Такъ по поводу отвѣта Кочубея передъ пыткой:

Такъ! не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была etc.

„Сѣверные Цвѣты“ замѣтили, что Кочубей передъ пыткой, въ страшную минуту жизни, не могъ говорить „каламбурами и загадками“ (! *).

Даже *Московский телеграфъ* отрицалъ народность въ Полтавѣ, говоря: „въ „Полтавѣ“, сквозь мѣрное течение всей поэмы, только чувствуется невидимая сила духа русскаго“ (**).

Но шедѣвромъ нелѣпыхъ притязанiй критики были статьи „Вѣстника Европы“ 1828—1830 гг. по поводу дѣятельности Пушкина и его различныхъ произведенiй. Оригинальна форма этихъ критическихъ статей. Онѣ облечены въ форму драматическую или вѣрнѣе диалогическую, гдѣ одно лицо обязано говорить вздоръ, а другое—быть постоянно умникомъ. Мѣсто дѣйствiя этихъ критическихъ пословицъ происходитъ въ каморкахъ, косморамахъ, на буйныхъ вечерахъ, на прогулкахъ. Все это несомнѣнно обличало въ авторѣ отсутствiе художественнаго вкуса и такта, и безграничную заносчивость и самообольщенiе. Всю дѣятельность „молодыхъ писателей“, подъ которыми всегда подразумевался только Пушкинъ, авторъ статьи „Литературныя опасенiя за будущiй годъ“ (***) опредѣлялъ слѣдующими словами: „Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движенiе весь политическiй машинизмъ ихъ (новѣйшихъ поэтовъ), обыкновенно бывають: пушшъ, ай, бордо, дамскiя ножки, будуарное удайство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствiя составляютъ Муромскiе лѣса, подвижные, бессарабскiе наметы, магическое уединенiе овинновъ и бань, спаленные закоулки и еермопилы.

*) Сѣв. Цвѣты, 1830 г., Обзор. словесн.

**) Моск. Тел. 1829 г. ч. 27, стр. 219.

***) Вѣстн. Евр. 1828 г., №№ 21 и 22.

Оригинальные костюмы ихъ: „копыта, хоботы кривые, хвосты хохлатые, клыки, усы, кровавыя языки, рога и пальцы костяные!“ („Евг. Онѣг.“. IV гл.). Торжественный оркестръ ихъ: „визгъ, хохоть, свистъ и хлопъ, людская молвь и конскій топъ...“ (ibidem).

Шутка поэта „Графъ Нулинъ“, разумѣется, не могла найти себѣ пощады у строгаго судьи, который, какъ видно, искалъ въ поэзіи громкихъ словъ и внѣшняго эффекта, и вмѣсто разбора „Нулина“ далъ пародію содержанія и стиховъ піесы. Но разборъ Полтавы, явившійся въ 1829-мъ году (№№ 8 и 9), представляетъ собою явленіе небывалое даже въ лишенной здороваго вкуса и болѣе чѣмъ развязной журналистикѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Это уже прообразъ Булгаринской претенціозной критики, не замедлившей появиться за своимъ претендентомъ. Дѣйствіе разбора (припомните, что критикъ писалъ въ драматической формѣ) происходитъ въ косморамѣ, гдѣ мужичекъ показываетъ народу самыя лучшія фонтаны, Бахчисарайскіе, а фигуру мудрости представляетъ отставной корректоръ университетской типографіи, Пахомъ Силычъ Правдинъ. На вопросъ: Что Полтава? Пахомъ отвѣчаетъ: „И ничего!“ Затѣмъ сравниваетъ онъ Мазепу Байрона—*„олицетворенный идеалъ буйной независимости, поспѣвающей всѣмъ ударамъ и кознямъ враждебной жизни“* съ Мазепой Пушкина, который *„есть не что иное, какъ лицемерный бездушный старичишка“* нисколько не схожій съ извѣстнымъ историческимъ лицомъ. Марія Кочубей, по мнѣнію критика, искажена и въ пмени, и въ характерѣ. Любовь ея къ Мазепѣ-старика—невозможна, любовь старика Мазепы—фарсъ. Происхожденіе полтавской битвы объяснено въ поэмѣ, по словамъ Правдина—этого выразителя мнѣній критика—лишь пострадавшими усами Мазепы. „Ай да усы! Это былъ бы кладъ для покойнаго выворачивателя Энеиды на изнанку“, прибавляетъ Пахомъ Силычъ. Казнь Кочубея—это глубоко-трагическое мѣсто поэмы—написана, по толкованію Правдина, съ хладнокровнымъ самоуслажденіемъ; Карлъ неприлично названъ „бойкимъ мальчишкой“ и при томъ еще по-бурлацки кричитъ надъ ухомъ Гетмана:

...го! Пора
Вставай, Мазепа!

Сумасшествіе Маріи и визгъ ея просто неприличны: *„эдакъ говорятъ только объ обваренныхъ собакахъ“*. Въ заключеніе Правдинъ такъ опредѣляетъ поэзію Пушкина: „Это есть, по моему мнѣнію, *рѣзвая шалунья*, для которой весь міръ ни въ копѣйку; ея стихія пересмѣхать все худое и хорошее... не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить. Это-то сообщаетъ новую фізіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающему оное рѣшительно отъ Байроновой мизантропіи и отъ Жанъ Полева юморизма. Поэзія Пушкина есть просто *пародія*...“ Правда, откровенный критикъ какъ бы устыдился своего развязнаго, чтобы не сказать нелѣпаго, приговора и на слѣдующій годъ „Вѣстн. Евр.“ 1830 г., № 7, смягчаетъ его и даже хвалитъ Пушкина, но... „не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ“. Находя, что изъ подъ пера нашего поэта „выпадаютъ нерѣдко если не картины,

то картинки“, онъ тѣмъ не менѣе рѣшается утверждать, что Пушкину „не дано видѣть и изображать природу поэтически, съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выворачивать ее на-изнанку“.

„И вся эта непрерывная цѣпь заблужденій — говорить по поводу современныхъ Пушкину критикъ его биографъ—все это изворотливое, хотя и не совсѣмъ ловкое исканіе дѣла, произошло отъ недостатка художническаго чувства и отъ мысли замѣнить живую поэзію представленіями философско-этическаго рода“ *).

Но эта „непрерывная цѣпь заблужденій“, этотъ рядъ сужденій одно нелѣпѣй другого, оказались соблазнительнымъ инцидентомъ для критики того пошиба, яркимъ представителемъ которой является Булгаринъ съ своей пресловутой „Сѣверной Пчелой“. Почти одновременно съ разборомъ „Вѣстника Европы“ газета по поводу VII главы „Онѣгина“ представила свой, гдѣ объявлялось совершенное паденіе творца Руслана; новую главу рецензія называетъ пустословіемъ, предметы описаній—низкими, стихи—прозаическими и „непонятно-модными“ **). Послѣ этихъ и подобныхъ „двѣточковъ“ не замедлили послѣдовать и „ягоды“, тѣмъ болѣе, что между двумя, наиболѣе популярными органами современной Пушкину печати: „Сыномъ Отечества“ и „Сѣверной Пчелой“ высказывались взгляды вполне солидарные, такъ какъ издатели ихъ, Гречъ и Булгаринъ, были короткими пріятелями не только въ жизни, но и въ печати ***). Хуже всего здѣсь было то, что оба почтенныя изданія обнаруживали похвальную наклонность къ инсинуаціямъ. Какъ и „Сѣверная Пчела“, „Сынъ Отечества“ желаетъ видѣть молодыхъ литераторовъ въ строгомъ подчиненіи старымъ, заслуженнымъ, чиновнымъ писателямъ. А къ таковымъ съ полнымъ правомъ относили себя оба редактора-издателя. Такъ Булгаринъ писалъ въ „Сынъ Отечество“ о Пушкинѣ слѣдующее: „Хотя Пушкинъ оригиналенъ, но оригинальность его не принесетъ такихъ плодовъ, какіе принесла оригинальность Байрона. Есть и будетъ множество подражателей Пушкина (*несносное племя!*) но не будетъ *слѣдствія* Пушкина (!?), какъ онъ самъ есть *слѣдствіе* Байрона. Пушкинъ плѣнилъ, восхитилъ своихъ современниковъ, научилъ ихъ писать гладкіе, чистые стихи, далъ имъ почувствовать сладость нашего языка, но не увлекъ за собой *своего вѣка*, не установилъ *законовъ вкуса*, не образовалъ *своей школы*, какъ Байронъ и Гёте“. Въ другомъ мѣстѣ о Пушкинѣ было сказано: „Пушкинъ не читалъ даже въ подлинникъ Байрона, и знаетъ его только по французскимъ переводамъ. Пушкинъ даже не могъ постигнуть всѣхъ красотъ нѣмецкой поэзіи, ибо онъ не столько силенъ въ нѣмецкомъ языкѣ, чтобы понимать красоты поэтическаго языка. Можетъ быть, А. С. Пушкинъ теперь и понимаетъ совершенно Байрона и Гёте въ подлинникъ, но когда онъ началъ писать, онъ не зналъ столько ни англійскаго, ни нѣмецкаго языка, чтобы понимать высшую поэзію. Это всѣмъ извѣстно“ ****).

Неизвѣстно было только то близоруко-пристрастному критику,

*) *Анненковъ*. Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 209.

***) Сѣв. Пчела, 1830, №№ 35 и 39.

****) Подробн. въ ст. Пятковскаго: „Журнальный триумvirатъ“.

*****) Сынъ Отечества 1833 г. № 6, стр. 314.

что подражательный Байрону періодъ пушкинской дѣятельности не можетъ считаться верхомъ поэзіи, кульминаціонной точкой поэтического творчества національнаго поэта.

Мнѣ пришлось въ другомъ мѣстѣ *) говорить о тѣхъ нелѣпныхъ выходкахъ, которыми былъ встрѣченъ Пушкинскій „Борисъ Годуновъ“ со стороны критики, и я не буду повторяться. Остальные плоды зрѣлаго періода творчества были встрѣчены журналами лишь бранью и порицаніями. „Произведенія Пушкина — было замѣчено въ одномъ изъ журналовъ—*являются и проходятъ почти непримѣтно*“. „Сѣверная Пчела“ въ отличку отъ другихъ категорически заявила, что въ послѣднихъ своихъ стихотвореніяхъ *Пушкинъ отжилъ*. По поводу послѣдней главы „Онѣгина“, въ „Телескопѣ“ былъ высказанъ автору совѣтъ быть постепеннѣе, причемъ относительно всего произведенія было замѣчено, что оно не имѣетъ ни единства содержанія, ни цѣльности состава, ни стройности изложенія, и есть вѣтреная и *легкомысленная породія на жизнь* (!?), блестящая пгрушка, но не болѣе. При выходѣ третьей части стихотвореній Пушкина, въ томъ же журналѣ было замѣчено, что она обнаружила *сильное ослабленіе таланта* Пушкина. Помѣщенные въ ней сказки Пушкина были названы „сухой, мертвой работой, старинной пылью, на которой съ особеннымъ попеченіемъ выведены искусные узоры“. Въ заключеніе была высказана надежда, что на смѣну Пушкина явится новый, подобный ему, крупный талантъ. Этимъ талантомъ — преемникомъ Пушкина журналъ называлъ бездарнаго и эфемернаго поэта Теплякова. Но если „Борисъ Годуновъ“ и „Онѣгинъ“ вызвали въ журналистическіе сильныя порицанія, то „Домикъ въ Коломнѣ“ и мелкія повѣсти едва не были побиты камнями. „Мы не умѣемъ объяснить себѣ — было сказано въ „Телескопѣ“ по поводу названнаго произведенія—какимъ образомъ нашему опытному, счастливому поэту могла придти на умъ работа столь непозитическая. Прочитавъ сію странную піеску, не отличающуюся ни затѣйливостью изобрѣтенія, ни даже удачнымъ изложеніемъ, которое иногда прикрываетъ внутреннюю пустоту содержанія, невольно повторимъ заключеніе, довольно искренно высказанное самимъ поэтомъ. Пожалѣемъ, что этотъ рыхлый домикъ, съ 1829 года тлѣвшій въ портфели пѣвца „Бориса Годунова“, не въ добрый часъ выселился изъ Коломны въ „Новоселье“ (литературный сборникъ, гдѣ это произведеніе было напечатано). „Повѣсти Бѣлкина“ вызвали критиковъ на розысканіе и указаніе грамматическихъ ошибокъ поэта. Указаны были галлицизмы, въ родѣ слѣдующихъ:

„Сильвіо былъ слишкомъ уменъ, чтобы этого не замѣтить“, „пробѣгая письмо, глаза его сверкали“; неточности граматическія, напр. „управленіе села (вм. селомъ)“, „вспоминаніе васъ“ (вм. о васъ), „память одного“ (вм. объ одномъ) и рядомъ съ этимъ указывалось на неправильность выраженія: „недостатокъ смѣлости“, что въ свою очередь указывало на малое знакомство критика съ духомъ и грамматикой языка роднаго“. —Такъ-то изо всѣхъ силъ тщились пигмеи стащить лавровый вѣнокъ съ головы титана, таковы были выходки критиковъ, озлобленныхъ высотой

*) „Дѣло“ 1886 г. Сентябрь. „Шекспиръ и Пушкинъ“.

и недосыгаемостью для булавочныхъ уколовъ Пушкина. Вскорѣ къ этимъ „крокодиловымъ слезамъ“, къ этимъ воплямъ quasi-гражданской скорби объ утратѣ Пушкинымъ когда-то мощнаго дарованія присоединились иные мотивы сожалѣнія о поэтѣ, яркой представительницей и проводницей которыхъ явилась все та же „Сѣверная Пчела“. Въ ея отношенія къ поэту замѣшивалась помимо партійной недоброжелательности, еще, какъ говорятъ французы *jalousie du metier*, журнальная конкуренція съ „Современникомъ“, первый номеръ котораго Пушкинъ, судя по цензорской помѣткѣ; выпустилъ 31 марта 1836 года. Извѣстіе объ изданіи Пушкинымъ своего журнала (который затѣвался въ противовѣсъ журнальной монополіи) было, правда, встрѣчено „Пчелой“ довольно хладнокровно, несмотря даже на то, что одномысленная ей *Библиотека для чтенія* напала на поэта; но нѣсколько времени спустя и *Пчела* выступила съ элегической статьей, гдѣ сквозь наружную скорбь ясно слышалось худо скрытое негодованіе по поводу неподходящаго поэту занятія. Забывъ съ свойственнымъ *Пчелѣ* легкомысліемъ неприличныя свои выходы противъ пушкинской поэзіи, газета теперь хвалитъ въ Пушкинѣ поэта и скорбитъ, что „князь мысли (критики именно мыслей у Пушкина, какъ вспомнить читатель, и не признавали) сталъ рабомъ толпы“. „Прекрасно было—говорилось въ *Пчелѣ* то время, незабвенное въ нашей литературѣ, когда играла лира Пушкина, когда имя его, вмѣстѣ съ его слалкими пѣснями, носилось по Россіи отъ конца въ конецъ и было у всякаго на языкѣ. (!?). Отчего же муза поэта умолкла? Ужели поэтическія дарованія старѣютъ такъ рано? Видно, это такъ, *потому что поэтъ сдѣлался журналистомъ*. Печальная переменѣна. Какъ не пожалѣть о ней! Поэтъ промѣнялъ золотую лиру свою на скрипучее труженническое перо журналиста. Князь мысли сталъ рабомъ толпы (sic!) орелъ спустился съ облаковъ, для того, чтобы крыломъ своимъ ворочатъ тяжелыя колеса мельницы. Печальная переменѣна, которой мы не пожелаемъ ни одному истинному поэту. Поэтъ опочилъ на лаврахъ слишкомъ рано. Вмѣсто поэтическихъ произведеній онъ выдаетъ толстыя, тяжелыя книжки сухого и скучнаго журнала, наполненнаго *чужими* статьями“. А вотъ и причина скорби издателей „Сѣверной Пчелы“. Поставивъ вопросъ, для чего Пушкинъ промѣнялъ завидную судьбу поэта на скромную долю журнальнаго труженника, критикъ самъ же даетъ и отвѣтъ. Для того, чтобы имѣть удовольствіе высказать нѣсколько горькихъ упрековъ своимъ врагамъ, т. е. людямъ, которые были не согласны съ нимъ въ литературныхъ мнѣніяхъ, которые требовали отъ его дремлющаго таланта новыхъ, совершеннѣйшихъ созданій, угрожая въ противномъ случаѣ свести съ престола его значительность“ *).

Таковы были отзывы современной Пушкину русской критики, смотрѣвшей на поэтическую его дѣятельность сквозь особенную, уясненную нами выше призму. И что всего замѣчательнѣе,—самъ Бѣлинскій въ 30-хъ годахъ не понималъ, какъ слѣдуетъ, Пушкина. Находя въ повѣстяхъ поэта занимательность, онъ на-

(*) *Сво. Пчела*, 1836 г. № 162.

зываетъ ихъ сказками и побасенками и говорилъ, что послѣ нихъ можно задать „лихую высылку. Осень, осень, холодная дождливая осень, послѣ прекрасной, роскошной, благоуханной весны“ восклицалъ онъ по поводу этихъ повѣстей, изъ которыхъ лучшею считалъ „Выстрѣль“. (*)

Но если русская критика не могла или не хотѣла примѣтить универсальнаго значенія родного поэта; то въ *иностранный* литературѣ раздавались голоса въ защиту *русскаго* таланта. Сюда относится статья Варнегена фонъ-Энзе, въ „Отеч. Зап.“ 1839 г., въ переводѣ М. Н. Каткова. Въ связи съ ней слѣдуетъ обратить вниманіе и на сдѣланную М. Н. Катковымъ въ предисловіи къ переводу оцѣнку поэта. „Мы твердо убѣждены и ясно сознаемъ—говоритъ онъ,—что Пушкинъ поэтъ не одной какой-нибудь эпохи, а поэтъ цѣлаго человѣчества, не одной какой-нибудь страны, а цѣлаго міра; не лазаретный поэтъ, какъ думаютъ многіе, не поэтъ страданія, но великій поэтъ блаженства и внутренней гармоніи. Онъ не убоился низойти въ самые сокровенные тайники русской души... Глубока русская душа! Нужна гигантская мощь, чтобы изслѣдить ее: Пушкинъ изслѣдилъ ее и побѣдоносно вышелъ изъ нея, и извлекъ съ собою на свѣтъ все затаенное, все темное, крившееся въ ней. Какъ народъ Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ“. Послѣдняя мысль является исходнымъ пунктомъ взгляда нѣмецкаго критика на русскаго поэта. И въ то время, какъ русская критика попирала достоинство родного поэта, нѣмецъ опровергаетъ ея взгляды и возводитъ чуждаго для него Пушкина на подобающій послѣднему пьедесталъ. Эта защита крайне интересна, и я не боюсь утомить читателя знакомствомъ съ ней въ подробности, тѣмъ болѣе, что и въ наши дни она не потеряла своего значенія. Указавъ на богатство русскаго языка, фонъ-Энзе замѣчаетъ, что въ благозвучіи, силѣ и нѣжности онъ способенъ къ развитію, „которому границы означить невозможно. Если въ такомъ языкѣ проснется поэзія, то надобно ожидать въ ней великихъ явленій... Такая поэзія пробилась у русскихъ, а ея чистѣйшее, могущественнѣйшее выраженіе есть Пушкинъ. Изъ многочисленныхъ видовъ предшественниковъ и послѣдователей, группующихся вокругъ него, возвышается его величавая глава. Онъ есть *выраженіе всей полноты русской жизни и потому онъ націоналенъ въ высшемъ смыслѣ этого слова*“. Далѣе нѣмецкій критикъ защищаетъ Пушкина отъ нападеній *русскихъ* журналовъ, упрекавшихъ поэта за подражательность. „Если Пушкинъ—говоритъ онъ—часто напоминаетъ Байрона, Шиллера, даже Виланда, далѣе—Шекспира и Аріоста, то это указываетъ только на то, *съ кѣмъ можно его сравнивать, а не отъ кого должно его производить*“. По его словамъ, геній Пушкина одинаково склоненъ къ трагическому и комическому, но особенно превосходенъ въ прозіи, которая часто переходитъ у него въ юморъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. „Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая и быстро отпускающая всякій предметъ; его могучее воображеніе, полное согрѣвающей теплоты

(*) Вѣлинскій. *Сочиненія*, т. I, стр. 319 320.

и величія, его то кроткое, то горькое остроуміе,—все соединяется для того, чтобы произвести самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе на непрерывно занятого и непрерывно свободного, ни минуты не мучимаго, читателя“. Таково въ общихъ чертахъ отношеніе критика къ поэту. Останавливаясь затѣмъ на отдѣльныхъ произведеніяхъ, онъ называетъ „Онѣгина“ въ высочайшей степени самобытнымъ и оригинальнымъ плодомъ поэтическаго творчества. „Даже и тогда, когда Пушкинъ, касается въ немъ самаго обыкновеннаго—говорить критикъ—характеръ и направленіе его остаются необыкновенно самобытными; поэтъ высоко паритъ надъ своими образами, изъ которыхъ онъ однимъ безпечно играетъ и шутитъ, другіе же скорбно принимаетъ къ груди своей“. Всѣ лица вполне живыя существа; особенно хорошъ граціозный, милый образъ Татьяны. Изображенія природы превосходны; они переданы въ очаровательнѣйшихъ художественныхъ образахъ. Высоко ставитъ фонъ-Энзе и „Бориса Годунова“ *).

Говоря о поэмахъ Пушкина, Варнгеренъ фонъ-Энзе находитъ въ нихъ большія достоинства. По его мнѣнію, „Русланъ и Людмила“ отличаются необыкновенною прелестью разсказа. „Кавказскій Пльнникъ“—мастерскимъ описаніемъ природы и нравовъ. „Бахчисарайскій фонтанъ“—чудеснымъ изображеніемъ татарскихъ нравовъ и особенно женской красоты, обвѣвающей произведеніе; „Цыганы“—высоко драматическимъ характеромъ. Говоря, наконецъ о лирическихъ произведеніяхъ Пушкина, критикъ замѣчаетъ, что „здѣсь сверкаютъ самыя яркія искры того пламени, который горѣлъ въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ его души“. По его выраженію, Пушкинъ въ своихъ пѣсняхъ „вскрылъ сердце своего народа“. Кромѣ того, великое созерцаніе природы лежитъ въ основаніи всѣхъ его стихотвореній; у Пушкина равно величественны и художественны и листъ запоздалый на вѣткѣ, и одинокій звукъ, раздавшійся въ зимнюю ночь, и опоясанный облаками Кавказъ, и зеленое море степей. Одна пѣсня—„Пиръ Петра Великаго“—можетъ служить ручательствомъ, что русская поэзія можетъ смѣло поставить себя на ряду со всякою другою поэзіею, достигшею до высочайшей степени развитія“. Эта обстоятельная и чуждая претенціозности статья заключается слѣдующимъ дорогимъ для насъ,—позднѣйшихъ поколѣній—завѣщаніемъ. „Біографія Пушкина, которая бы открыто и благородно изложила всѣ его отношенія и событія его жизни, была бы богатымъ подаркомъ, заслуживающимъ полной благодарности. Память о жизни великаго человѣка дорога и священна для благородныхъ націй, и мы видимъ, что тѣ народы, которые заслуживаютъ это названіе, старались хранить въ памяти не одни политическія дѣла и военные подвиги, но и событія литературныя, и тихую жизнь мирнаго человѣка **“). Такова была критика *нѣмца* о *русскомъ* *поэтѣ*, и надо удивляться, какъ онъ могъ возвыситься до такой объективности относительно русской литературы, и угадать существенный нервъ поэзіи нашего великаго національнаго поэта.

Съ этихъ поръ, съ легкой руки нѣмецкаго оцѣнщика русскаго дарованія, отношеніе къ Пушкину мѣняется, и тотчасъ, послѣ

*) См. мою статью о *Борисѣ Годуновѣ*, „Дѣло“ 1886 года, сентябрь. *Авт.*

**) Отеч. Зап., 1839 г. Т. III, стр. 1—36.

его смерти печатно заявляется великость потери. „Умеръ онъ— писалъ Полевой черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти—пѣсня его умолкла. Погребальный звонъ колокола надъ его гробомъ отозвался въ русской землѣ печальною вѣстью—„Пушкина нѣтъ!“ Свѣтлая Божія весна скоро зазеленѣетъ, и въ тающемъ снѣгѣ псковскихъ лѣсовъ *) впервые обнажитъ холодную, безмолвную могилу великаго русскаго поэта... А надъ этой могилой, черезъ года и столѣтїя, всегда равно будетъ горѣть для избранныхъ, неугасимый пламень вдохновенїя **)“.

Такимъ образомъ только послѣ смерти поэта открыто было указано все значеніе пушкинской поэзіи, его великая роль, какъ руководителя и воспитателя подрастающихъ поэтическихъ дѣятелей. Только послѣ его смерти раздалось вѣское, осмотнительное, глубокоубѣдительное и вполнѣ компетентное слово Бѣлинскаго, этого лучшаго истолкователя пушкинской поэзіи, котораго поэтому даже Писаревъ не рѣшился отдѣлить отъ Пушкина и, не церемонясь съ послѣднимъ, дерзко срывалъ вѣнецъ и съ перваго, глумясь и издѣваясь по обыкновенїю надъ человѣкомъ, котораго самъ же называлъ „учителемъ“. И только черезъ 40 лѣтъ послѣ кончины поэта въ 1880 г. впервые сознается въ окончательной формѣ вся важность пушкинской дѣятельности, все ея художественное и воспитательное значеніе хотя у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще обстоятельной біографїи поэта, о чемъ, какъ мы видѣли, скорбѣлъ и за что ратовалъ еще въ 30-хъ годахъ нѣмецкій истолкователь Пушкина.

. *Сергей Тимофеевъ.*

*) Пушкинъ погребенъ въ Свѣтогорскомъ монастырѣ, Псковской губ., Опочковскаго уѣзда.

**) „Очерки русской литературы“, т. I, стр. 211.